

СТРАТЕГИИ УКРАИНСКИХ ЭЛИТ В ОТНОШЕНИИ ДОНБАССА: «BIG DATA»-ИССЛЕДОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СЕГМЕНТА FACEBOOK

А.А. Токарев

ОАО «ИД Коммерсантъ». 127055, Россия, Москва, Тихвинский пер., д. 11, стр. 2.

Исследовательский вопрос: какие стратегии в отношении Донбасса актуализированы украинскими элитами? Методологическая основа: анализ украинского сегмента сети Facebook при сочетании количественной («большие данные»¹) и качественной (глубинные интервью) методологии, что позволяет не только провести полноценное исследование на пространстве, до этого не затронутым аналитическими методами политической науки, но и успешно верифицировать его.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что тема Донбасса в целом крайне слабо освещается на страницах топовых украинских блогеров в Facebook. Исследуемый контент в основном русскоязычный, Россия упоминается в два раза чаще Донбасса. США и Европа занимают примерно равное положение в публичном дискурсе по количеству упоминаний, уступая Донбассу. В массиве из почти 90 000 постов за первые 10 месяцев 2016 г. лишь 6% посвящено теме региона-сецессии. Количество постов, содержащих если не стратегическое видение, то хотя бы малейшее упоминание о будущем неподконтрольных Киеву территорий, составляет меньше полу-процента.

По итогам ручной обработки данных автор приходит к основному выводу исследования – украинские элиты не обладают консенсусной стратегией в отношении Донбасса, причём между собой, прежде всего, конкурируют стратегии заморозки конфликта и завоевания Донбасса. Регион воспринимается, прежде всего, в рамках юридических (аккредитация журналистов в ОРДЛО), криминальных (падение «Боинга»), геополитических (противостояние России и США) процессов, но никак не в качестве, во-первых, полноценного субъекта, имеющего репутацию самостоятельно действующей единицы политики, во-вторых, не как объект, за который Украине следует бороться, реинтегрируя не только территорию, но и население.

В заключение представлены необходимые в дальнейшем итерации, направленные на повышение степени верификации выводов в новых исследованиях².

Ключевые слова: украинский конфликт, Донбасс, АТО, количественные методы, Facebook.

¹ «Big Data» в названии исследования мы употребляем условно. При формальном подходе «большими данными» следует признать массивы от миллиона единиц. 88 536 единиц нашего массива не позволяют формально называть его Big Data.

**Украинский конфликт:
позиции акторов и посредников**

С 2014 г. на территории Украины не прекращается внутригосударственный конфликт (с участием внешних акторов) между новыми властями в Киеве и силами на юго-востоке страны, который приобрел затяжной характер. После завершения по объективным причинам проекта «Новороссия» Россия заинтересована в сохранении Донбасса в рамках украинского государства, но с такими полномочиями, которые позволят местным лидерам блокировать сближение Украины с НАТО, т.к. оно противоречит российским национальным интересам.

Украина, напротив, дискурсивно подчёркивая целостность «государственного тела» и юридический суверенитет Киева над конфликтными территориями, де-факто не стремится принимать отдельные районы Донецкой и Луганской областей (далее – ОРДЛО) под свой контроль. Украинские элиты понимают цели официальной Москвы и не готовы «возвращать Донбасс любой ценой». Задача номер один для Украины – сохранить нынешний уровень фактического суверенитета. Реинтеграция Донбасса – вторая задача. Если решение второй противоречит первой, вторую решать не будут³.

США стремятся сохранить если не ситуацию масштабной войны, то высокий уровень напряжённости на российско-украинской границе и – шире – внутри Европы, чтобы не допустить сближения России и «старой» континентальной Европы, а также России и Китая, геополитическое и экономическое соперничество с которым будет основным фактором, определяющим внешнюю политику США в первой половине XXI в⁴.

ДНР и ЛНР не готовы к реинтеграции, во-первых, в украинское государство, не способное предоставить гарантии безопасности их элитам, во-вторых, – в украинское общество, воспринимающее население Донбасса в большинстве своём в качестве «террористов», но никак не сограждан. В республиках сохраняется значимый пассионарный костяк элит, не готовых к возвращению в состав Украины ни при каких условиях (включая давление Москвы).

ОБСЕ, являясь посредником в разрешении конфликта и в целом выражая мнение «старой

Европы» (прежде всего, Франции и Германии), выступает категорически против его заморозки, настаивая на реальной имплементации «Минска-2»⁵. В настоящее время стороны не готовы отказаться от этого документа по двум основным причинам. Во-первых, он во многом остановил активные боевые действия. Ежедневно в зоне конфликта продолжаются обстрелы, но крупные калибры разведены по обе стороны от линии соприкосновения. В случающихся бое столкновениях с использованием стрелкового оружия по-прежнему гибнут люди с обеих сторон, однако массовыми эти потери не являются и не повторяют статистику первых двух лет конфликта. Во-вторых, ни одна сторона не способна предложить сейчас реальный механизм, который мог бы заменить «Минск-2».

Тем не менее, документ остаётся невыполнимым. Основные противоречия кроются вокруг очерёдности выполнения таких пунктов, как «возврат контроля над границей», «местные выборы», «внесение изменений в конституцию Украины», «амнистия», «децентрализация». Россия настаивает на точном следовании тексту документа, согласно которому «восстановление контроля над границей должно начаться в первый день после проведения местных выборов». Украина по понятным причинам уходит от подобной схемы имплементации и неофициально, в кулуарах говорит о «пакетном подходе», поясняя: «Будем делать одновременно», что конечно, не приемлемо ни для России, ни для элит непризнанных республик.

По обе стороны конфликта война «вошла» в музеи и серванты. Во многих семьях и на подконтрольной Киеву территории, и в непризнанных республиках за стёклами мебели в комнатах появились фотографии отцов, братьев, мужей с оружием в руках и траурной лентой. «Папу убили террористы» и «брат погиб от рук неонацистов» – такой дискурс распространяется в семьях по обеим сторонам противостояния. Массовое сознание с обеих сторон также недооценивает пассионарность и искренность друг друга: в случае Украины реальность заменяют отсылки в сторону России («это всё российские регулярные войска и наёмники»), на Донбассе же восприятие ВСУ и НГУ как неонацистов/польских или литовских добровольцев/украин-

² Исследование проведено А.А. Токаревым, магистрантом МГИМО А.Р. Марговым, магистром ХНУ им. Каразина М.М. Борошенко, студентом ХНУ им. Каразина М.О. Корниловым при помощи информационно-аналитической системы «Семантический архив», предоставленной компанией «Аналитические бизнес-решения».

³ Здесь и далее, если не указано иное, в оценках массовых настроений автор опирается на глубинные интервью с экспертами, сделанные по обе стороны фронта в 2016 г.: как на Украине (Днепропетровск, Харьков, Киев, Львов), так и в Л/ДНР (Донецк, Луганск, Дебальцево, Ясиновата, Алчевск, Горловка).

⁴ Данное мнение разделяет в частности Д. Фридман, глава агентства «Стратфор». См.: Черненко Е., Габуев А. Интересы РФ и США в отношении Украины несовместимы друг с другом // Коммерсант. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2636177> (дата обращения: 21.12.2016).

⁵ Это подтверждается не только постоянными официальными заявлениями, но и продвигается статусными европейскими чиновниками и политиками в кулуарах. Как минимум, Мартин Сайдик, глава мониторинговой миссии ОБСЕ на Донбассе, и Мишлин Кальмин-Рё, экс-президент Швейцарии, в 2016 г. заверяли автора в том, что настоящая цель ОБСЕ в регионе состоит именно в урегулировании, деэскалации конфликта, а не «заморозка».

цев, воюющих не за идею, а исключительно по приказу из Киева, управляемого Вашингтоном, – столь же мешает пониманию того, что Украина сосредотачивается вокруг идеи сохранения суверенитета и государственной состоятельности.

Несмотря на понимание населением ДНР и ЛНР крайне низкого уровня их внутреннего суверенитета, фактического отсутствия разделения властей и эффективной судебной системы, высочайшего уровня коррупции, сохраняющихся практик «отжимов» мелкого и среднего бизнеса, обиды на Россию («хотели присоединения, как в Крыму, а не серой зоны»), ненависть к украинской государственной власти (не к обществу), начавшей и продолжающей АТО, является основным фактором национального строительства на Донбассе. Использование украинской стороной авиации в начале конфликта, неизбирательного оружия, реактивных систем залпового огня (РСЗО), танков, продолжающиеся обстрелы жилых кварталов (при сохранении ответного или провоцирующего огня со стороны армейского корпуса) – основные причины, по которым реинтеграция населения региона невозможна. Представляется, что украинские элиты и украинское общество не знают, что делать с ОРДЛО. Дискурс власти и официальной пропаганды направлен на поддержание приемлемого уровня ненависти к России как «агрессору» и к участникам ополчения ДНР и ЛНР как «террористам» и «участникам бандформирований», которые управляются «напрямую из России» и сформированы «преимущественно российскими военными или наёмниками». Тотальное упрощение реальной картины и нежелание рефлексировать – характерная черта современного украинского общества. С одной стороны, и власть, и общество имеют общий нарратив, являющийся константой массового сознания: «Донбасс – это наша территория, и её необходимо возвращать». С другой, среди украинской элиты нет открытой дискуссии о конкретных стратегиях возвращения ОРДЛО под контроль Киева и, что важнее, о населении Донбасса. Не анализируя официальный дискурс и основываясь только на отдельных сообщениях, раскручиваемых в украинских медиа, можно прийти к выводу, что в стране доминирует идея о «тотальном завоевании подконтрольных террористам территорий тогда, когда США и Европа поставят летальное оружие и неофициально дадут «добро» на операцию по боснийскому сценарию».

Постановка вопроса

Постсоветская украинская политической культура требует от лидера общественного мнения ведения (желательно – личное) своего аккаунта или страницы в социальной сети Facebook. В отличие от России, где всплеск политического интереса к соцсетям был ситуативно

связан с особенностями лидерства президента Д. Медведева, Украина – то государство, где власть и лидеры общественного мнения в буквальном смысле живут в Facebook, который является одним из важнейших инструментов репрезентации их для общества в целом и избирателя, в частности. Именно с призыва журналиста Мустафы Найема в Facebook формально начался «Евромайдан».

Мы сознательно исключаем из нашего анализа масс-медиа, поскольку они не позволяют оценить «чистую, кристаллизованную» позицию конкретного индивида – в отличие от конкретной страницы с несколькими десятками тысяч подписчиков. Мы не отрицаем влияние «темников» от различных политических структур (от администрации президента до крупнейших финансово-промышленных групп), которые явным образом влияют на блогеров, равно как и психологические механизмы самопрезентации, позволяющие использовать соцсети, скорее, для конструирования, нежели описания реальности. Однако мы считаем, что массовость выборочной совокупности, взятой для исследования, и метод «больших данных» в значительной мере нивелируют эти особенности социальных сетей.

Исследовательский вопрос мы формулируем следующим образом: какие стратегии в отношении Донбасса актуализированы элитами? Гипотеза: мы предполагаем, что при использовании метода анализа «больших данных» сможем реконструировать семантическое пространство украинской политической сферы, что позволит выделить конкретные стратегии в отношении будущего Донбасса, существующие сегодня в украинском политическом обществе. Вероятнее всего, эти стратегии будут занимать незначительное место в общем дискурсе, что позволит сделать верифицированный вывод о том, что украинские элиты не имеют стратегического видения в отношении Донбасса, не воспринимая его реинтеграцию как реальную необходимость и используют феномен Донбасса преимущественно для поддержания уровня агрессии по отношению к России как «внешнему врагу» и собственной легитимизации на основании образа

«Большие данные» используются в количественных исследованиях социальной реальности на Западе более десяти лет [8, 9]. Несмотря на то, что для академической литературы это совсем не затёртая тема, исследования в отношении украинского конфликта на примере соцсетей мы не встречали. Одно из исследований российских учёных было посвящено изучению протестного поведения в соцсетях во время Евромайдана в 2013 г [1]. Общий обзор той области исследований, что получила название «социального компьютеринга», можно найти в работе российского социолога А. Давыдова [3]. В России на данном направлении заметны работы

⁶ Именно в этой соцсети, а не «ВКонтакте» или «Одноклассники».

■ Исследовательские статьи

коллег из ИС РАН, МПГУ и ИТМО [2]. Одна из последних масштабных работ, объясняющих методы «социальных вычислений» издана Л. Мановичем в 2015 г. [10]. Последний по времени всплеск интереса широкой общественности к «большим данным» относится к концу 2016 г. и связан с освещением использования Big Data командой Дональда Трампа в рамках президентской кампании [7].

Формирование баз данных: блогеры и посты

Первый этап формирования базы данных заключался в составлении списка из 116 человек, которые, по нашему мнению, являются лидерами общественного мнения. На втором этапе список прошёл верификацию, и после консультации с экспертами по национальным сегментам соцсетей вырос до 135 человек. На третьем этапе мы обратились к результатам исследований⁷ о топовых блогерах украинского сегмента Facebook, и в итоге в списке оказалось 175 аккаунтов, которые отвечают двум условиям: формирование политических смыслов и наличие 10 тыс. подписчиков. Первый критерий важен тем, что исключал из массива данных посты пользователей Facebook, пишущих на нерелевантные темы. Без учёта этого критерия в число лидеров украинского сегмента Facebook могли войти Вера Брежнева и доктор Комаровский (но, например, певица Руслана Лыжичко, известная своим политическим бэкграундом, осталась).

Второй критерий справедливо вызывает вопрос: почему в качестве нижнего порога установлены именно 10 тыс. подписчиков, а не пять, пятьдесят или сто тысяч? Данный показатель мы взяли в качестве аксиоматического. Возможно, в следующих исследованиях пороговый барьер будет снижен до пяти тысяч подписчиков – это позволит существенно увеличить объёмы исследуемых данных.

При помощи программного обеспечения «Семантический архив»⁸ был запущен мониторинг аккаунтов Facebook из сформированного списка – в базу были выгружены все записи, опубликованные с 1 января по 1 ноября 2016 г. В рамках пилотного исследования этот период был выбран произвольно – в дальнейшем его границы могут быть изменены в любую из сторон. Итоговый массив данных составил 88 563

записи – на этом база данных была окончательно сформирована.

Работа с поисковым запросом

Основным инструментом, с помощью которого проводилось изучение базы данных, был поисковый запрос. Первоначально он состоял всего лишь из трёх слов – Донбасс, ДНР, ЛНР (с расшифровкой аббревиатур в том числе). Таким образом, мы нашли 3988 постов. При каждой последующей итерации добавлялись синонимы, которые мы предлагали мозговым штурмом. После добавления уничижительных слов («Луганда» и «Донбасс»), при помощи которых в 2014-2015 гг. украинская блогосфера активно дегуманизировала население Донбасса, количество постов выросло лишь на 33, что позволяет сделать предварительный вывод о снижении тренда на дегуманизацию. Лишь 60 постов содержали аббревиатуру ОРДЛО без упоминания уже перечисленных синонимов, что может говорить о том, что данный юридический термин не распространён в публичном дискурсе украинских лидеров общественного мнения. 559 постов в базу принесло добавление синонима «Минск»⁹, почти столько же (560) – перевод синонимов на украинский. Отметим, что делать выводы о присутствии конкретных синонимов на основании количественной разницы между постами по запросам неверно, поскольку в рамках узкой формальной логики машина делает акцент на конкретном слове. Например, если пост содержит одновременно слова «Донбасс» и «ОРДЛО», машина считает его как один и относит к категории «Донбасс» (по первому слову – второе её уже не волнует). Мы проанализировали запросы на предмет поиска отдельных синонимов в чистом виде, т.е. задавали каждый раз новый объект для поиска, чтобы получить более точные данные по каждому из них.

Украинский Facebook, как минимум, на тему Донбасса русскоязычен на 90%. Тренд на дегуманизацию населения Донбасса постепенно ослабевает. Уровень упоминания слов с явно негативными коннотациями не превышает 10%. Уровень упоминания объектов поиска в совокупности из 5200 постов (везде с учётом морфологии), представлен в таблице 1.

Русскоязычность украинского Facebook не является секретом. Использование русского на Украине отнюдь не равно пророссийскости.

⁷ «Исследованиями» эти журналистские материалы мы называем с очень большой натяжкой. В отсутствие серьёзных академических проектов, посвящённых украинской блогосфере, мы пользуемся тем, что есть в публичном доступе [9, 10, 11]. Наверняка в нашей базе представлены не все украинские блогеры с числом подписчиков 10 000+. При этом вопросы «скольких мы упустили?» и «насколько именно упущенные нами определяют уровень рефлексии?» остаются риторическими.

⁸ Информационно-аналитическая система «Семантический архив» представляет собой инструмент для создания интегрированного хранилища информации с возможностью хранения досье на объекты мониторинга, происходящие события, а также текстовые документы. Подробнее см.: Семантический архив. URL: <http://old.anbr.ru/products/semarchive/> (дата обращения: 21.12.2016).

⁹ «Минские соглашения» не прописываются в запросе отдельно, поскольку являются составной частью морфологии запроса «Минск...»

Табл. 1
Объекты поисковых запросов
Objects of the search

Объект поиска	% от числа постов, посвящённых Донбассу (5200)
«ОРДЛО»	4,1
перевод всех синонимов на украинский	10,8
«Минск...»	26,5
«Донбас...», «ДНР», «ЛНР» и расшифровки аббревиатур	76,7

В этом смысле язык является не политическим маркером, а средством коммуникации, рассчитанным на большую аудиторию, чем государственный язык. Скорее, мы были удивлены тем, какое незначительное число постов, посвящённых Донбассу, написано на украинском – 10,8%. Наиболее важным представляется вывод о том, что в дискурсе украинской элиты на пространстве Facebook Донбасс занимает чуть менее 6%. Для сравнения мы составили поисковый запрос, содержащий формы слова Россия на русском или украинском языках, или сокращение РФ, и нашли 12866 записей (14,5 %). Украинский Facebook думает о России почти в 2,5 раза чаще, чем о Донбассе, а Украина упоминается немногим менее, чем в половине постов блогеров, включённых в базу данных.

Упомянув Россию в поисковом запросе, мы не могли не заставить машину искать «Европу» и США (см. таблицу 3). На основании результатов, представленных в таблице, можно сделать предварительный вывод о том, что «европоцентричность» дискурса украинских элит также весьма преувеличена.

В рамках «мозговых штурмов» с участниками исследования мы выделили четыре стратегии, которые, по нашему предположению, украинские лидеры общественного мнения могут использовать для определения будущего Донбасса: завоевание, экономическое вовлечение, отгораживание и заморозка конфликта. Попытка верификации через экспертные оценки не принесла успеха в том смысле, что ни один из опрошенных нами экспертов не смог предложить

альтернативу этим четырём. Поэтому именно они были взяты за основу для распределения постов по рубрикам.

На первом этапе мы в качестве рабочей методологии предложили машине ориентироваться на слова-маркеры для сортировки постов по выбранным четырем стратегиям. Если автор поста думает о завоевании Донбасса, он скорее всего будет использовать слова «боевики», «террористы» и т.д.; о заморозке конфликта – «отложить», «прекратить огонь» и т.д. (см. таблицу 4).

«Отгораживание» и «заморозка» с незначительной разницей остались в хвосте, «экономическое вовлечение» с явным отрывом вышло на второе место. С почти двукратным перевесом победила стратегия завоевания.

Мы подвергли выводы сомнениям по двум причинам, в итоге отказавшись от машинной обработки сформированного массива. Первая – количество полученных записей. Из 5200 постов про Донбасс поисковые запросы со словами-маркерами суммарно выдали 1061 пост, а значит, 4139 постов не содержат этих слов, т.е. исключены из анализа. Вторая причина имела качественный, а не количественный характер. Предположим, что условный украинский радикальный националист «Дмитрий Ярош» пишет пост: «Надо, наконец, победить российского агрессора: взять оружие в руки, сесть в танки и с Богом в душе зачистить украинский Донбасс от войск разлагающейся империи, сохранив за Украиной право на самостоятельное развитие, сохранив саму Украину. Слава Украине!» Прочитав его, условный сторонник федерализации и умиротворения Донбасса «Виктор Медведчук» делает репост с цитатой: «Есть те,

Табл. 2
Изменения объектов поискового запроса
Search objects' changes

Поисковый запрос	Кол-во постов
"Донбас*" OR "ДНР" OR "ЛНР" OR "Донецк* народн* республик*" OR "Луганск* народн* республик*"	3988
"Донбас*" OR "ДНР" OR "ЛНР" OR "Донецк* народн* республик*" OR "Луганск* народн* республик*" OR "Луганд*" OR "Донбабве"	4021
"Донбас*" OR "ДНР" OR "ЛНР" OR "Донецк* народн* республик*" OR "Луганск* народн* республик*" OR "Луганд*" OR "Донбабве" OR "Минск"	4580
"Донбас*" OR "ДНР" OR "ЛНР" OR "Донецк* народн* республик*" OR "Луганск* народн* республик*" OR "Луганд*" OR "Донбабве" OR "Минск" OR "ОРДЛО"	4640
"Донбас*" OR "ДНР" OR "ЛНР" OR "Донецк* народн* республик*" OR "Луганск* народн* республик*" OR "Луганд*" OR "Донбабве" OR "Минск" OR "ОРДЛО" OR "Мінськ*" OR "Мінськ* домовленост*" OR "Донецьк* област*" OR "Луганськ* област*" OR "окремі райони Донецької і Луганської областей"	5200

■ Исследовательские статьи

Табл. 3

Количество упоминаний объектов поискового запроса
The number of references to the search object

Название запроса	Количество постов в базе	% от общего числа
"США" OR "Америк*"	4610	5,2
"ЕС" OR "Европ*" OR "Європ*"	4644	5,3
Донбасс и 14 синонимов	5200	5,9
"Росси*" OR "РФ" OR "Росі*"	12866	14,5
"Украин*" OR "Україн*"	38102	43

кто призывает Украину к войне: «Надо, наконец, победить российского агрессора: взять оружие в руки, сесть в танки и с Богом в душе зачистить украинский Донбасс от войск разлагающейся империи». Я категорически возражаю против такого человеконенавистнического подхода. Мы должны слышать всех граждан Украины, в т.ч. на востоке страны».

Очевидно, что в одном и том же посте могут употребляться слова-маркеры из конфликтующих стратегий, либо могут быть использованы слова, подходящие к стратегии, с которой автор поста не согласен. Программное обеспечение не способно самостоятельно определить мнение автора поста – в этом случае оба поста с наличием слов-маркеров «агрессор», «оружие», «танк» уйдут в стратегию «завоевание».

На данном этапе исследования мы присудили машине поражение и сели за вычитку 5200 постов. В процессе прочтения записей украинских блогеров и поиска в них признаков одной из четырёх стратегий было введено понятие «осмысленный пост». Из 5200 записей про Донбасс большинство содержало описание общей геополитической ситуации с точки зрения обывателей, обсуждение вопроса аккредитации журналистов в ОРДЛО, новостные сводки с фронта, дебаты о субъектах, атаковавших «Боинг» и прочие, не относящиеся к определению будущего региона размышления. Лишь в 327 постах (0,37 % от генеральной совокупности и 6,3 от выборочной) был минимальный намёк на то, как, по мнению автора, необходимо поступить с Донбассом. Для включения поста в рубрику с соответствующей стратегией было достаточно, например, фраз «Донбасс надо отгородить стеной» либо «пора уже завоевывать ОРДЛО». При отсутствии масштабных осмысленных стратегий – такие короткие фразы оказались для нас макси-

мумом рефлексии, который и был подвергнут сортировке. 117 постов относились к «заморозке» - их авторы настаивали на необходимости сохранения ситуации «ни мира, ни войны». К стратегии «завоевания» были отнесены 107 постов, об экономическом вовлечении говорилось в 69 постах, наконец, отгородиться стеной хотели авторы 34 постов.

Таким образом, если украинский Facebook является важнейшим каналом коммуникации, если пороговое значение в 10 тыс. подписчиков и временные рамки исследования выбраны верно, то мы можем сделать следующий вывод: у украинской элиты нет доминирующей стратегии в отношении Донбасса.

В России кажется, что Украина только и говорит о возвращении Донбасса, но в реальности из всего того, что было написано лидерами общественного мнения в сети Facebook за неполный 2016 г., Донбассу посвящено меньше 6% постов.

Среди выборочной совокупности в 5200 постов лишь 6,3% содержат хоть какое-то мнение о будущем региона. О конкретных стратегиях (цели, задачи, методы решения) пока говорить не приходится. В публичном дискурсе украинских элит «Донбасс» представляет собой, скорее, территорию – геополитическую единицу или объект, на который направлены политические технологии, или участвующий в юридических процедурах, нежели отколотый от «материнского государства» регион, в отношении которого обсуждаются стратегии возвращения, будущее которого принципиально важно.

Следует отметить, что 14,5% упоминания России в нашей выборке нам кажется незначительным для статуса «государства-агрессора». Вместе с тем, специфика этих упоминаний должна быть дополнительно исследована. Означает

Табл. 4

Слова-маркеры
Word-markers

Стратегии	Запрос	Кол-во постов
Завоевание	российско-террористические войска, боевики, террористы, вата, ватники, захватить, колорады, забрать, Россия-агрессор, сепаратисты, сепары	606
Заморозка	отложить, прекращение огня, заморозить, заморозка	34
Вовлечение	контроль, пенсии, децентрализация, реинтеграция, пацификация, прекращение огня, сограждане, гражданская война, шахты, заводы, переговоры	380
Отгораживание	отдать, забыть, Россия-агрессор, мёртвая зона, стена	41

ли это понижение степени россиецентричности украинского массового сознания, или же украинский Facebook не разделяет магистрального отношения власти к пропаганде стереотипов о «российской агрессии»? Поскольку отношение к России не было предметом наших изысканий, победоносно объявить о переходе количества в качество в данном случае мы не можем.

Составленная база данных может быть использована для поиска ответа на смежные вопросы. Новые исследовательские вопросы могут быть сформулированы следующим образом: что представляет собой феномен «Донбасс» для лидеров украинского общественного мнения? Донбасс – это, прежде всего, территория или население? Является ли Донбасс частью украинского национального сообщества? Жители

Донбасса, защищающие свои республики с оружием в руках, могут быть реинтегрированы в национальное сообщество? Есть ли у них право на политическое украинство при сохранении русской самоидентификации? Есть ли различия в восприятии украинскими элитами Донбасса, Крыма и особенно роли России в отношении обоих казусов? Для ответа на эти вопросы курс-анализ представляется многообещающим.

Ещё одно принципиально иное направление исследования с той же базой может касаться самих лидеров общественного мнения. Кто эти люди? Что они говорят, например, о России, формируя тренды в украинской политике? В данном случае очевидна смена не только исследовательского вопроса и поисковых запросов, но и методологии в принципе.

Список литературы

1. Азаров А.А., Бродовская, Е.В., Дмитриева О.В., Домбровская А.Ю., Фильченков А.А. Стратегии формирования установок протестного поведения в сети интернет: опыт применения киберметрического анализа (на примере евромайдана, ноябрь 2013 г.) // Мониторинг общественного мнения. № 3. 2014. С. 36 – 74.
2. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Синяков А.В. Стратегии использования социальных сетей в современной России: результаты многомерного шкалирования // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 283 — 296.
3. Давыдов А.А. Системная социология: Social Computing. [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1016&printmode (дата обращения: 10.12.2016).
4. ТОП-100 блогеров 2015 года. Рейтинг ICTV-факты. [Электронный ресурс]. URL: <http://bloggers.fakty.ictv.ua/> (дата обращения: 10.12.2016).
5. ТОП-120 популярных украинских блогеров и политиков «Фейсбук». Рейтинг рекламного агентства E-iq для издания «Биржевой лидер». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.finanso.net/world/21967-izvesten-top-akkauntov-blogerov-i-politikov-ukrainy-v-feysbukeza-aprel.html> (дата обращения: 10.12.2016).
6. ТОП-50 украинских блогеров в Facebook и Twitter. Рейтинг НВ. [Электронный ресурс]. URL: <http://nv.ua/publications/virtualnye-geroi-politiki-i-zhurnalisty-tesnyat-pop-znamenitostey-v-facebook-i-twitter-infografika-nv-22945.html> (дата обращения: 10.12.2016).
7. Grassegger H. Ich habe nur gezeigt, dass es die Bombe gibt // Daz Magazine. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dasmagazin.ch/2016/12/03/ich-habe-nur-gezeigt-dass-es-die-bombe-gibt/> (дата обращения: 10.12.2016).
8. Leetaru K. Data mining methods for the content analyst: An introduction to the computational analysis of content. Routledge, 2011. 120 p.
9. Liu H., Salerno J., Young M. Social Computing and Behavioral Modeling. Berlin: Springer, 2009. 264 p.
10. Manovich L. The Science of Culture? Social Computing, Digital Humanities and Cultural Analytics. 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://manovich.net/index.php/projects/cultural-analytics-social-computing> (дата обращения: 10.12.2016).
11. Wynn J. Digital sociology: Emergent technologies in the field and the classroom // Sociological Forum. 2009. 24 (2). Pp. 448 – 456.

Об авторе

Алексей Александрович Токарев – к.п.н., с.н.с. Центра глобальных проблем Института международных исследований МГИМО МИД России. E-mail: a.tokarev@inno.mgimo.ru.

**UKRAINIAN ELITES STRATEGIES TO DONBAS:
«BIG DATA»-RESEARCH OF THE FACEBOOK NATIONAL SEGMENT**

A.A. Tokarev

"Kommersant" 127055, Russia, Moscow, Tikhvin per., 11, build. 2.

Abstract: *The conflict in the South-East of Ukraine has acquired a protracted nature, what is significantly affected by three main factors. 1) The main actors of the conflict (Ukraine, DPR/LPR, Russia, USA, OSCE) have in principle different opinions about its resolution/escalation. Secondly, despite the recognition of the DPR/LPR territory belonging de jure to Ukraine by majority of actors, the basic document "Minsk-2" uses by the discursive, but not a real support of the actors. Third, Ukraine does not have a consolidated position in the national community and elites concerning the Donbass. Fourth, contrary to the technical, economic, and military support for the region by Russia the official Kiev is the main promoter of secession in Donbas by means of ATO, in spite of the public discourse about the need to reintegrate these territories.*

Research question: what strategy for the Donbass are shared by Ukrainian elites? Methodological basis: analysis of the Ukrainian Facebook network segment with a combination of quantitative (Big Data¹⁰) and qualitative (in-depth interviews) methodology.

Results: the topic of Donbass in general very poorly presented on the pages of top Ukrainian bloggers in Facebook. The test content is mainly Russian-speaking, Russia is mentioned more often than Donbas. The US and Europe occupy roughly equal positions in the public discourse on the number of references. In the array of almost 90 000 posts in the first 10 months of 2016 only 6% relate to the region of Donbass. Number of posts that contain not the strategic vision of the Donbass future, but only mention of it, is less than half-percent.

As a result of manual processing of data, the author comes to the key findings - Ukrainian elites have no the consensus strategy for the Donbass, but strategies to froze the conflict and to conquer of Donbass compete one to each other. The region is not perceived like an object for which Ukraine should fight not only for the territory, but also the people.

In conclusion author presented the later iterations which are necessary to improve the degree of verification of the findings in the new study.

Key words: Ukrainian conflict, Donbass, ATO, quantitative methods, Facebook.

References

1. Azarov A., Brodovskaya E., Dmitrieva O., Dombrovskaya A., Phylchenkov A. Strategii formirovaniya ustanovok protestnogo povedeniya v seti internet: opyt primeneniya kiberneticheskogo analiza (na primere yevromaydana, noyabr' 2013 g.) [The Strategy of the Protest Behavior Formation in the Internet: Experience of Cyber-Analysis (the Case of Euromaidan, November 2013)]. *Monitoring of Public Opinion*, 2014, no. 3, pp. 36 – 74. (In Russian).
2. Brodovskaya E., Dombrovskaya A., Sinyakov A. Strategii ispol'zovaniya sotsial'nykh setey v sovremennoy Rossii: rezul'taty mnogomernogo shkalirovaniya [Strategies of the Social Networks Using in Modern Russia: the Multidimensional Scaling Results]. *Monitoring of Public Opinion, Economic and Social Changes*, 2016, no. 1, pp. 283 — 296. (In Russian).
3. Davydov A. *Sistemnaya sotsiologiya: Social Computing* [Systemic Sociology: Social Computing]. Available at: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1016&printmode (accessed: 10.12.2016). (In Russian).
4. Top-100 Bloggers in 2015. *ICTV-facts Rating*. Available at: <http://bloggers.fakty.ictv.ua/> (accessed: 10.12.2016).
5. Top-120 Popular Ukrainian Bloggers and Politicians in Facebook. *Rating of the E-iq Agency for Market Leader*. Available at: <http://www.finanso.net/world/21967-izvesten-top-akkauntov-bloggerov-i-politikov-ukrainy-v-feysbukeza-aprel.html> (accessed: 10.12.2016).
6. Top-50 Ukrainian Facebook and Twitter bloggers. *New Time Rating*. Available at: <http://nv.ua/publications/virtualnye-geroi-politiki-i-zhurnalisty-tesnyat-pop-znamenitostey-v-facebook-i-twitter-infografika-nv-22945.html> (accessed: 10.12.2016).
7. Grassegger H. Ich habe nur gezeigt, dass es die Bombe gibt. *Daz Magazine*. Available at: <https://www.das-magazin.ch/2016/12/03/ich-habe-nur-gezeigt-dass-es-die-bombe-gibt/> (accessed 10.12.2016).

¹⁰ «Big Data» in the name of research we use the conditional. In the formal approach, Big Data should be recognized as arrays of a million units. 88,536 of our array units do not allow formal call it Big Data

8. Leetaru K. *Data mining methods for the content analyst: An introduction to the computational analysis of content*. Routledge, 2011. 120 p.
9. Liu H., Salerno J., Young M. *Social Computing and Behavioral Modeling*. Berlin, Springer Publ., 2009. 264 p.
10. Manovich L. The Science of Culture? *Social Computing, Digital Humanities and Cultural Analytics*, 2015. Available at: <http://manovich.net/index.php/projects/cultural-analytics-social-computing> (accessed 10.12.2016).
11. Wynn J. Digital sociology: Emergent technologies in the field and the classroom. *Sociological Forum*, 2009, 24 (2), pp. 448 - 456.

About the author

Alexey A. Tokarev – PhD in Political Science, Senior Researcher at Center for Global Issues, Institute for International Studies of MGIMO–University. E-mail: a.tokarev@inno.mgimo.ru.